

ВЛАДИМИР ЭЙВЕР

ХРОНИКИ ГРАВИТАЦИИ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТРИЛОГИЙ

18+

Владимир ЭЙВЕР

Хроники гравитации: Эхо Сирта

«Автор»

2026

ЭЙВЕР В.

Хроники гравитации: Эхо Сирта / В. ЭЙВЕР — «Автор», 2026

ТОМ 1: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ГАМБИТ (2015–2020) Локация: Земля (Владивосток, Дубна, Саянская тайга). Часть 1: Порт-резонанс (2015). Во Владивостоке Ирина узнает, что Владимир скрывает теорию деформационного резонанса. Она предлагает копить капитал через АО «Прогресс-Техно», выпуская на рынок урезанные, безопасные патенты, а фундаментальные уравнения держать в секрете. Часть 2: Лакмусовая бумажка. Внедрение сверхэффективных шахтных накопителей (огрызков КГП) приносит миллионы и привлекает криминал во главе с Эдуардом. Меняя спецификации сплавов ради проверки людей на жадность, Владимир понимает: человечество превратит гравитацию в оружие. Часть 3: Саянский инцидент. Эвакуация лаборатории из Дубны в Саяны. Во время испытаний установки КГП-5000 на полигон прорываются наемники Эдуарда. Владимир задействует вольфрамовый защитный костюм и аварийный реверс. Осознав неготовность Земли к технологиям, он решает готовить Исход.

© ЭЙВЕР В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Том 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Владимир ЭЙВЕР

Хроники гравитации: Эхо Сирта

Том 1

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ГАМБИТ (2015–2020)

ЧАСТЬ 1: ПОРТ-РЕЗОНАНС

ГЛАВА 1: ТОЧКА РОСЫ

Владивостокский туман в октябре 2015 года обладал плотностью сырого, едва схватившегося бетона. Он выползал из черной пасти Амурского залива, тяжело ворочался в низинах сопок и слепыми склизкими пальцами стирал из реальности трехсотметровые стальные пилоны Золотого моста. Портовый город умирал каждую ночь, засыпая под этим промозглым саваном, пахнущим солью, гниющими водорослями и портовым дизелем.

Но здесь, на самом краю мыса Чуркина, в полуразрушенном лабиринте заброшенной промзоны тринадцатого причала судоремонтного завода, тишина не была мертвой. Она вибрировала на пределе слышимости, заставляя волосы на коже подниматься дыбом от наведенного статического напряжения.

Двадцатишестилетний Владимир сидел за рулем отцовской «Тойоты-Марк-II», не снимая заношенной рабочей штормовки с масляными пятнами на рукавах. Старый рядный двигатель «Марка» хрипло шелестел на холостых оборотах, выплевывая в туман сизый дым. Печка в салоне работала на максимуме, но едва справлялась с сыростью — лобовое стекло то и дело покрывалось крупной, маслянистой росой, искажавшей огни далекого причала.

Владимир посмотрел на часы. Пятнадцать минут второго ночи. Чуркин вымер. Время идеального, глухого безлюдья.

Ради этих тридцати минут контролируемого хаоса Владимир три месяца назад швырнул на стол декана заявление об уходе из аспирантуры, наплевал на будущую докторскую диссертацию и перевелся на полставки обычного гражданского мастера по ремонту дизелей в полузатопленный плавучий док. Коллеги считали его сумасшедшим. Профессура — опустившимся неудачником. Они просто не видели расчетов в его потертом блокноте, зашифрованных двойной буквенной подстановкой.

Владимир выбрал этот причал не случайно. Здесь базальтовые выходы скальных пород уходили вертикально, без единого разрыва, на одиннадцать километров вглубь земной коры, обеспечивая идеальный, очищенный от поверхностных шумов тектонический волновод. Точка обладала безупречным откликом для субквантового гетеродинного приема на частоте планетарного резонанса — строго 7,49 Герца. Звук, которым дышала тектоника планеты.

Владимир повернул ключ. Двигатель «Тойоты» захлебнулся и смолк. Салон тут же начал остывать, заполняясь ледяным дыханием моря.

Владимир вышел в промозглую сырость, его суставы хрустнули от напряжения. Он подошел к правой двери, рванул натянутые стропы и, тяжело дыша, вытащил из салона двадцатипятикилограммовый брезентовый сверток. С силой переставляя ноги по щербатому бетону, он донес его до самого края пирса, где плиты срывались в черную, мазутную воду, и опустил на землю.

Брезент полетел в сторону. Под тканью открылся глухой металлический короб из легированной стали марки 40ХН, со стенками толщиной ровно шесть сантиметров. Только такая ураново-стальная броня могла выдержать чудовищные, разрывающие изнутри механические нагрузки. Внутри этого каркаса, наглухо запрессованная между массивными шинами из

чистейшей бескислородной меди, покоилась одиннадцатикилограммовая рабочая матрица КГП-100 — Квантового гравитационного подъемника пассивного типа.

Владимир восемнадцать месяцев вручную выращивал её в самодельном вакуумном реакторе. Это был безупречный композит из строго упорядоченных углеродных нанотрубок объемом 5000 кубических сантиметров и плотностью уплотненного угля 2200 килограммов на кубометр. Физический предел прочности материи.

— Только бы шины удержали фононы, — прошептал он, подключая толстые медные кабели инвертора, собранного из деталей списанной корабельной радиолокационной станции, к клеммам на корпусе.

Пальцы в грубых перчатках легли на массивный чугунный штурвал ручного привода диаметром сорок сантиметров, снятый со старой портовой задвижки. За этим штурвалом скрывался шедевр субквантовой инженерии — трехступенчатый каскадный планетарный редуктор с передаточным отношением 1:50 000.

Владимир навалился всем телом, преодолевая сопротивление металла. Крутящий момент от его рук передавался на центральную шестерню первой ступени, заставляя три стеллитовых сателлита медленно обкатываться по резьбе коронного колеса. Каждая ступень кратно умножала силу, передавая накопленный момент на выходной титановый регулировочный винт из сплава ВТ6 диаметром тридцать восемь сантиметров.

Владимир остановился, тяжело дыша. Достал из кармана куртки сорокакилограммовый стальной поршневой палец — утилитарный макрообъект для первого теста. Он аккуратно положил его на верхнее выходное окно устройства, закрытое высокопрочной вольфрамовой сеткой.

Он снова рванул штурвал. Редуктор издал тяжелый, маслянистый клик. Винт сдвинулся на ничтожную долю миллиметра.

Чтобы сжать углеродную матрицу всего на один процент от её высоты — развить деформацию сжатия в 0,01 при модуле Юнга нанотрубок в 1000 Гигапаскалей — внутренний поршень должен был выдать механическое напряжение в 10 Гигапаскалей. Вся сила пресса, сгенерированная сейчас руками одного человека, составила 625 000 000 Ньютонов. Владимир вручную создавал осевое усилие, эквивалентное весу 62 500 тонн материи. За один полный оборот штурвала прижимной поршень продвигался вперед всего на 0,0004 миллиметра.

Часть механической энергии сжатия тут же перешла в тепловые колебания кристаллической решетки. Фононы хлынули по медным шинам к вертикальным ребрам охлаждения стального корпуса. Металл короба начал стремительно греться, температура на индикаторе застыла на отметке семидесяти градусов по Цельсию.

И в этот миг пространство вокруг пирса сломалось.

Сырой прибрежный туман вдруг резко закрутило в тугую, идеально прозрачную воронку прямо над выходным окном прибора. Воздух внутри воронки оптически уплотнился пугающим эффектом гравитационного линзирования. Свет от далеких портовых огней на той стороне залива задрожал и поплыл, как над раскаленным летним асфальтом.

Морские брызги, срывавшиеся с пирса, внезапно замерли в воздухе, а затем, вопреки законам классической динамики, плавно полетели вертикально вверх, исчезая в небесном мареве.

Сорокакилограммовый стальной цилиндр поршневого пальца потерял механическое сцепление с титановым дефлектором. Он медленно, словно поднимаемый невидимой тяжелой жидкостью, оторвался от вольфрамовой сетки, поднялся на высоту пятидесяти сантиметров и намертво завис в воздухе. Наступила абсолютная, звенящая, неестественная тишина. Без магнитных полей, заставляющих жить электронику. Без рева турбин. Квантовый резонанс углеродной матрицы перехватил поток гравитонов Земли, развернув вектор тяги строго вверх.

Владимир заворуженно смотрел на левитирующий кусок стали. Математика деформационного резонанса ожила перед ним.

— Этого просто не может быть... — раздался из тумана тихий, чистый женский голос.

Владимир резко обернулся, его подошвы скользнули по влажному бетону пирса. Он инстинктивно шагнул назад, полностью закрывая собой короб КГП-100 и висящий в воздухе металл. Его лицо побелело от внезапного страха.

На причале тринадцатого причала, прямо у проржавевших ворот старого цеха, стояла девушка.

На ней было пальто цвета блеклой горчицы и насквозь промокшие замшевые ботинки. Темные волосы покрылись мириадами крошечных капель росы, а к груди она крепко прижимала тяжелую кожаную папку с тиснением «*Дальневосточное морское пароходство*». Она стояла всего в трех метрах от границы гравитационного луча. Её огромные серо-зеленые глаза цвета штормового Японского моря неотрывно смотрели на парящую сорокакилограммовую деталь.

— Вы кто? Как вы сюда попали? Здесь закрытая территория! — Владимир попытался придать голосу жесткость, но связки подвели, сорвавшись на хрип.

Девушка проигнорировала его слова. Словно под гипнозом, она сделала медленный шаг вперед и протянула ладонь к парящему металлу. Её тонкие пальцы замерли в сантиметре от болванки. Она не знала формул, но её разум мгновенно зафиксировал физические аномалии: восходящий прохладный поток воздуха, полное отсутствие какого-либо электромагнитного гула и ровное, пассивное тепло, исходящее от радиаторов стального короба.

— Я Ирина, — наконец произнесла она, переводя прямой взгляд на Владимира. В её глазах не было паники — только глубокое, ошеломляющее любопытство аналитика. — Я ведущий экономист управления порта. Меня прислали составить ликвидационную опись имущества этого участка перед приватизацией и распилом на металлолом. Но это... Владимир, это ведь не металлолом?

Владимир замер, судорожно оценивая риски. Ловушка захлопнулась. Перед ним стояла не просто случайная прохожая. По её взгляду, по тому, как она мгновенно оценила отсутствие кабелей высокого напряжения и криогенных баков, он понял: эта женщина обладает редким, структурным экономическим мышлением.

— Вам нужно немедленно уйти, Ирина, — отрезал Владимир, незаметно кладя руку на штурвал редуктора. — И навсегда забыть этот причал. Считайте, что это фокус. Мощные неодимовые магниты под бетоном. Что угодно.

Ирина коротко и горько усмехнулась, упрямо вскинув подбородок. Она сделала еще один шаг, сокращая дистанцию между ними до минимума.

— Магниты для высокоуглеродистой немагнитной стали поршня? — ее голос прозвучал удивительно звонко и твердо. — Без жидкостного охлаждения? От трех автомобильных аккумуляторов в багажнике вашего «Марка»? Не нужно держать меня за дуру. Я три года рассчитывала логистические энергобалансы для угольных терминалов Находки. Чтобы оторвать от земли эту массу по законам земной электродинамики, вам понадобилась бы подстанция района. У вас её нет. Как вы обманули гравитацию?

Владимир молчал, чувствуя, как капли холодного пота текут по спине под курткой. Тайны больше не существовало.

— Если я скажу вам правду, Ирина... — Владимир наклонился к ней, и его широкие плечи в свете портовых огней показались ей монолитными, как базальтовые скалы Сихотэ-Алиня. — Ваша жизнь перестанет быть мирной. За мешок золота в этом порту каждую неделю кого-то топчут в бетон. А за то, что скрыто в этом стальном стакане, люди сожгут города. Они превратят это в оружие массового поражения. Вы готовы нести эту тяжесть?

Ирина посмотрела на его руки, покрытые графитовой смазкой и окалиной, затем снова на парящий в абсолютной тишине металл. В её серо-зеленых глазах промелькнула решимость, которую Владимир ждал встретить в людях всю свою жизнь.

— Мне надоело считать тонны чужого грязного угля, смотреть на умирающий порт и видеть, как моя страна увязает в нищете и бандитизме, — тихо, но с железной интонацией ответила она. — Расскажите мне всё. Я умею молчать. И я знаю экономику. Если ваша физика верна, я помогу вам построить систему, которую этот мир не сможет у нас отобрать.

Над тринадцатым причаем сомкнулся плотный прибрежный туман, окончательно отрезая их от человеческой цивилизации. Стальная болванка продолжала беззвучно парить между ними, отмечая нулевую точку отсчета новой эры. Владимир глубоко вздохнул, перехватил штурвал и начал плавный обратный отсчет оборотов редуктора. Болванка со стуком опустилась на сетку.

— Хорошо, Ирина. Слушайте. Всё начинается с упругого сжатия углеродных нанотрубок и субквантового гетеродинного приема...

ГЛАВА 2: УГОЛЬНЫЙ БАЛАНС

Идея прятать фундаментальный прорыв в геометрии пространства за скучными, серыми бухгалтерскими балансами полностью принадлежала Ирине. Научный мир Земли всегда искал признания, слепо рвался к публикациям в ведущих журналах и на международные симпозиумы, но Ирина понимала реалии середины десятых годов слишком четко. В этой реальности академическое признание гарантировало изобретателю лишь два исхода: в лучшем случае — пожизненное заключение в закрытом оборонном НИИ без права выезда, в худшем — безымянную могилу на окраине города.

Спустя две недели после знаковой встречи на Чуркине они поднялись на вершину сопки Холодильник. Отсюда Владивосток, зажатый между суровыми скалами и Тихим океаном, просматривался до самого horizons. Шквальный, ледяной ветер с залива яростно трепал полы ее горчичного пальто. Ирина разложила прямо на помятом, покрытом ржавчиной капоте «Марка» три тонкие картонные папки, купленные в копеечном канцелярском магазине у центральной площади города. На пожелтевшем картоне ее ровным, каллиграфическим почерком было выведено название будущей империи: *Закрытое акционерное общество «Прогресс-Техно»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.